
МАРГАРЕТ ЭТВУД
«КАК Я БЫЛА ЛЕТУЧЕЙ МЫШЬЮ»

Как я была летучей мышью

Маргарет Этвуд

Маргарет Этвуд. «Как я была летучей мышью».
Margaret Atwood. «My Life as a Bat» (1992)

Маргарет Этвуд
«Как я была летучей мышью»
Margaret Atwood
«My Life as a Bat» (1992)

1. Реинкарнация

В предыдущей жизни я была летучей мышью.

Думаете, прошлые жизни — это все забавная выдумка? Тогда вы человек неглубокий. Судите сами: в переселение душ верит столько людей, а если мыслить здраво — значит разделять общепринятые представления о мире, то кто вы такой, чтобы перечить?

Подумайте ещё вот о чём: прошлые жизни стали достоянием коммерции. На них делают деньги. Вы были Клеопатрой, вы были фламандской герцогиней, вы были жрицей друидов — и деньги переходят из рук в руки. Раз существует фондовый рынок, то и предыдущие жизни должны.

На рынке прошлых жизней Клеопатры пользуются куда большим спросом, чем индийские говновозы, перуанские землекопы и многодетные домохозяйки послевоенных лет. Аналогично

большинство предпочитает забыть, как были грифами, пауками и грызунами, но некоторые помнят. Счастливое меньшинство. По общепринятому мнению, реинкарнация в теле животного считается наказанием за былые грехи, но, возможно, это, наоборот, награда. По крайней мере, место, где тишь да гладь, да благодать. Пусть даже в качестве передышки.

У летучих мышей свои заскоки, но эти зверьки никому не причиняют вреда. Когда убивают, убивают беспощадно, но без злобы. Они свободны от такого проклятия, как сострадание. Но и злорадство им чуждо.

2. Кошмары

Мне то и дело снятся кошмары.

В одном я жмусь к потолку летнего домика, а краснолицый мужчина в белых шортах и белой футболке с клиновидным вырезом прыгает, пытаясь сбить меня теннисной ракеткой. Липкие ленты для мух, приколоченные к балкам, покачиваются, будто ядовитые водоросли. Потное мужское лицо подо мной, с голубыми глазами навыкате и ртом, из которого вылетает сердитое пыхтение, то приближается, то отдаляется, словно качающийся на волнах морской буй.

Сам воздух сырой и тёплый, солнце клонится к

закату; надвигается гроза.

— Мои волосы! Мои волосы! — визжит женщина, и ещё чей-то крик:

— Антея! Принеси лестницу!

Я хочу лишь одного: вылететь отсюда через зазор в сетке для насекомых, но для этого нужно сосредоточиться, а это тяжело в гуле голосов, они сбивают с толку мой эхолокатор. Пахнет грязным ванным ковриком — это дыхание мужчины, дыхание, что исходит из каждой поры, дыхание монстра. Мне повезёт, если выберусь отсюда живой.

В другом кошмаре я лечу — вы бы наверное сказали порхаю — в размытом предрассветном свете. Вокруг пустыня. Цветут юкки, и я недавно обожралась их нектаром. Я держу путь домой, к себе в пещеру, где прохладно в дневное пекло и сквозь известняк сочится вода, покрывая каменные стены лоснящимся налётом тишины и влажностью грибной поросли, и другие мыши, шурша и попискивая в дрёме, ждут, когда на землю снова опустится ночь и раскалённое небо станет ласково к нам.

Но подлетев ко входу, я вижу, что он завален. Внутрь не попасть. Кто это сделал?

Я бью крыльями, принюхиваюсь, незрячая, как

ослеплённый мотылёк на стекле. Скоро взойдёт огненный шар солнца и сгубит меня своими палящими лучами. Останется лишь высушенный трупик. И кто сказал, что свет — это жизнь, а мрак ничто?

У некоторых совсем другие стереотипы.

3. Вампирские фильмы

Осознание, кем я была в прошлой жизни, приходило постепенно, не только через сны, но и через обрывки воспоминаний, через намёки, через дежавю.

Тут и моё пристрастие к утончённым переходам рассвета и заката, а не вульгарной яркости полдня. Тут и странное чувство, что я уже бывала в Карлсбадских[1] пещерах, давным-давно, ещё до пастельного света прожекторов и того, как на сталактиты повесили таблички с симпатичными именами и устроили под землёй ресторан, где к несварению желудка на гарнир получаешь клаустрофобию, а потом лифтом поднимаешься на поверхность.

Тут и моя нелюбовь к человеческим головам,

---

[1] Примечания: 1

Город на юго-западе США, получил имя в честь знаменитого курорта Карлсбад в Богемии (ныне Карловы Вары в Чехии). В 29 километрах от города расположен национальный парк США «Карлсбадские пещеры».

волосы которых так сильно похожи на щупальца ядовитых медуз и сети, что я боялась запутаться. Ни одна настоящая летучая мышь не станет брать кровь из шеи. Шея слишком близко к волосам. Даже мышь-вампир нацелится на какой-нибудь безволосый участок, в идеале палец ноги, так же как у коров предпочтёт вымя.

Из-за этого мне всегда казались нелепыми фильмы про вампиров. А еще потому, что там такие идиотские летучие мыши — огромные резиновые, с красными, словно огни гирлянд, глазами и клыками, как у саблезубого тигра. Подвешенные на ниточках, они «летают», лениво махая марионеточными крыльями, будто ожиревшая птица-дегенерат. Видя их в кино, я вскрикивала, но не от страха, а скорее, от смеха вперемешку с негодованием — это ж надо так оскорбить нас, летучих мышей.

О, Дракула, невероятный герой! О, летающая лейкемия в плаще, похожем на живой зонтик, на перепончатые крылья из чёрной кожи, которые ты распахиваешь на манер стиптизёрши, когда склоняешься в истощённой похоти над безупречной и до нельзя банальной шеей любой женщины, что в жажде вечного забвения по такому случаю надела своё лучшее неглиже. Почему

тот, кто похитил у тебя душу, даровал тебе способность превращаться именно в летучую мышь и волка, и только в них? Почему не вампирствующий бурундук, кряква, какой-нибудь пустынный грызун? Почему не черепаха? Вот был бы сюжет!

4. Летучие мыши, как оружие массового уничтожения

Во время Второй мировой на летучих мышах ставили эксперименты. Тысячи особей предполагалось выпустить днем над немецкими городами. На каждой — миниатюрное зажигательное устройство с таймером. Эти мыши, как водится, направились бы на поиски темноты. Забились в щели стен, спрятались под свесами крыш, с облегчением решили бы, что обрели безопасность, и в предназначенный момент взорвались, а города бы сгорели в огне.

Таков был план. Смерть от зажигательной мыши. Сами зверьки тоже, конечно, погибли бы. Подумаешь, какой-то миллион.

Города всё равно горели в огне, но без участия летучих мышей. После того, как была придумана атомная бомба, они стали ненужны.

А если бы мышей всё же использовали, удостоили бы их памятника в честь военных заслуг? Вряд ли.

Спросите человека, что скорее вызовет у него мурашки — летучая мышь или бомба? Вы услышите: «Мышь!» Сложно питать ненависть к простому куску металла, пусть и смертоносному. Мы приберегаем эти чувства для тех, кто из плоти и крови — плоти и крови, не похожих на наши собственные.

5. О прекрасном

Возможно, передышка вовсе не моя жизнь летучей мышью, а нынешняя. Возможно, меня послали в человеческое тело, ну, скажем, ради опасного задания — спасать мой народ. Если хоть немного преуспею или погибну, пытаясь — провалить такое дело при столь неравных силах куда проще — я возрожусь снова в прежнем обличье, в прежнем, по-настоящему родном для меня мире.

Всё чаще и чаще я думаю об этом с томлением. Частый стук сердца, яркий прыжок в нектар сумеречного цветка, зависание перед ним, инфракрасный мир ночи. Сырая ленивая полудрёма дневных часов, вокруг тела, мягкие, как меховые сливы, матери облизывают удивлённые мордашки новорожденных. Вспышка умиления тем, что следует дальше, предвкушение чувств, даримых языком и загнутым, сморщенным, скрученным носом, похожим на мёртвый лист, на радиатор-

ную решётку — нос обитателя царства Плутона.

А вечером ультразвуковой гимн во славу нашей Создательницы, Создательницы летучих мышей, которая является к нам в облике летучей мыши и даёт всё необходимое: воду и росистые камни пещер, древесную укромность чердаков, цветы и фрукты, и сочных насекомых, и красоту скользких крыльев, острых белых клыков и сияющих глаз.

О чём мы молимся? Мы молимся о пропитании, как и все, а ещё о здоровье и о приумножении нашего рода, и о защите от зла, недоступного нашему пониманию, от зла с волосами на головах, что незряче рыскает в ночи единственным белым глазом, смердит наполовину переваренным мясом и ходит на двух ногах.

Богиня пещер, благослови своих детей, просим мы.

Перевод — SupeR_StaR (Анастасия Вий)